

И. Н. ЛЕБЕДЕВА

К истории древнерусского Пролога: Повесть о Варлааме и Иоасафе в составе Пролога

В одном из разделов старейшего русского библиографического списка, озаглавленного «От правил святых апостол о книгах, ихже подобает чести и внимати, и ихже не внимати, ни чести, в извещении о добрых Нового закона»,¹ наряду с творениями Афанасия Александрийского, Анастасия Синаита, Симеона Нового Богослова, Ефрема Сирина и Максима Исповедника указана и Повесть о пустынноике Варлааме и царевиче индийском Иоасафе. Внесение Повести в один раздел с произведениями столпов византийской богословской традиции показывает, как высоко оценивал Повесть русский книжник, несмотря на то что по своему жанровому характеру Повесть резко отличается от святоотеческих творений: это памятник повествовательной литературы, близкий к восточной сказке, со множеством небольших вставных новелл-притч. Созданная в Центральной Азии² Повесть широко распространилась в переводах и переработках среди народов Европы, где она стала восприниматься уже не как литературный памятник, а как жизнеописание святых угодников божиих, некогда реально существовавших. Поэтому главные ее герои стали почитаться как святые в грузинской, греческой, римско-католической и русской церквях. Уже в грузинскую служебную Минею первой редакции, составленную на рубеже X—XI вв., как полагают, выдающимся деятелем грузинской культуры Евфимием Святогорцем, внесено песнопение в честь царевича Иоасафа (любопытно, что к песнопениям в честь греческих святых в этой Минее добавлено всего два грузинских гимна — просветительнице Грузии Нине и царевичу Иоасафу).³ В греческой церкви память царевича Иоасафа празднуется 26 августа, самое раннее упоминание об этом находим в греческой рукописи 1301 г. (Cod. Paris. Coisl. 223).⁴ В качестве святых римско-католической церкви оба главных персонажа Повести — Варлаам и Иоасаф — уже фигурируют в агиографическом сборнике «Золотая легенда» Якопо из Варацце (XIII в.).⁵ Римский Мартиролог помещает память обоих святых под 27 ноября.⁶ И, наконец, в древнерусском Прологе есть не только памяти Варлаама и Иоасафа, но и девять отрывков из По-

¹ К. Калайдович. Иоанн Экзарх Болгарский. М., 1824, с. 127, 209.

² Б. И. Кузнецов. Повесть о Варлааме и Иоасафе (К вопросу о происхождении). — ТОДРЛ, т. XXXIII. Л., 1979, с. 238—245.

³ Ц. Джгама. Новый вариант песнопения об Иоасафе. — В кн.: Известия Института рукописей АН Груз. ССР, вып. III. Тбилиси, 1961, с. 47—50 (на груз. яз.). Приношу глубокую благодарность Ц. Джгама, которая перевела свою статью на русский язык и представила перевод в распоряжение автора данной статьи. См. также: М. Н. Кавтара. Грузинская гимнография XVII—XVIII веков (Тексты и разскания). Автореф. докт. дис. Тбилиси, 1980, с. 7.

⁴ Н. Delehaye. Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae. Bruxellis, 1902 (Prologium ad Acta sanctorum Novembris), col. XLI, 92560.

⁵ И. Н. Голенищев-Кутузов. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972, с. 216—222.

⁶ Martyrologium Romanum. Romae, 1601, p. 287.

вести. Русская церковь поминает Варлаама и Иоасафа 19 ноября (по старому стилю). В позднем средневековье в Европе были известны мощи царевича Иоасафа: в 1574 г. дож Венеции преподнес реликвии святого португальскому королю Себастьяну, а в 1633 г. мощи находились уже в монастыре св. Сальватора в Антверпене.⁷

Но особенно широко Повесть о Варлааме и Иоасафе распространилась в книжности разных народов как памятник учительной литературы. Популярности Повести более всего способствовало то, что система христианского вероучения была изложена в ней общедоступно и занимательно, в форме поучений, притч и диалогов. Прямая речь составляет в Повести около трети четвертых всего текста. Трудно назвать какой-либо другой литературный памятник, кроме разве что Александрии, который получил бы такое распространение. В средние века Повесть о Варлааме и Иоасафе существовала более чем на тридцати пяти языках народов, населяющих Азию, Европу и Африку. Но ни у одного народа Повесть не получила такой популярности, не имеет такой богатой рукописной традиции, как в русской книжности XIII—XVIII вв.

Изучение русской рукописной традиции Повести практически только начинается. Но уже первые шаги на этом пути подтвердили предположение А. И. Соболевского о существовании двух старославянских переводов, один из которых сделан на Руси.⁸ Предпринятая нами предварительная классификация списков Повести показала наличие в списках XIII—XVI вв. по крайней мере пяти групп текстов, из которых две являются основными.⁹ Первая группа, самая многочисленная, единственная, в составе которой сохранились списки XIV в. Эта группа списков содержит сербский перевод Повести, сделанный, по-видимому, на Афоне не позже середины XIV в. Этому переводу будет посвящена отдельная статья, поэтому мы не будем останавливаться на нем. Вторая выделенная нами основная группа содержит другой перевод Повести. Он сохранился в пяти списках XVI в. Как мы полагаем, он сделан на Руси. Подробное обоснование этого предположения — дело будущего, пока что мы будем называть этот перевод русским. Его содержат следующие рукописи: 1) ГПБ, Соловецкое собр., № 208 (513);¹⁰ 2) ГБЛ, собр. Большакова, № 410;¹¹ 3) ГИМ, собр. Хлудова, № 60;¹² 4) Львов, Центральная научная библиотека им. Стефаника, собр. Креховского Василианского монастыря, № 419;¹³ 5) Львов, Центральная научная библиотека им. Стефаника, собр. Львовского народного дома, № 25 (98а).¹⁴

Хотя все пять списков датируются XVI в., оказалось, что существуют данные, позволяющие судить о значительно более раннем времени этого перевода, и содержит их русский Пролог. Уже старейшие рукописи Пролога содержат отрывки из Повести о Варлааме и Иоасафе, в частности

⁷ Barlaam et Ioasaph. With an English translation by H. Mattingly and G.-R. Woodward. Introduction by D.-M. Lang. London—Cambridge, Maas., 1967, (The Loeb Classical Library, 34), p. VII.

⁸ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, с. 4—5. А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. 1. 4-е изд. СПб., 1911, с. 535.

⁹ И. Н. Лебедева. О древнерусском переводе Повести о Варлааме и Иоасафе. — ТОДРЛ, т. XXXIII. Л., 1979, с. 247—252.

¹⁰ Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, ч. II. Казань, 1885, с. 247—248.

¹¹ Г. П. Георгиевский. Рукописи Т. Ф. Большакова, хранящиеся в имп. Московском и Румянцевском музеях. Пг., 1915, с. 338—339.

¹² А. Попов. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, с. 99—119.

¹³ I. Franko. Barlaam i Ioasaf. Starohriistianьskij duhovnij romaj i ego literaturna istorija. — В кн.: Записки Наукового товариства імени Шевченка, т. VIII. У Львові, 1895, Приложение, с. I—XVI.

¹⁴ И. С. Свенцицкий. Церковно- и русско-славянские рукописи Публичной библиотеки Народного дома во Львове. — ИЮЛЯ, т. IX, 1904, кн. 3, с. 361—363.

притчи, рассказанные Варлаамом. Естественно, возникает вопрос: вошли в состав Пролога части одного из переводов или извлечения были сделаны из греческого текста специально для Пролога? Сопоставление проложных статей с текстами сербского и русского переводов Повести показало, что тексты из Пролога совпадают с русским переводом.¹⁵ Значит, статьи были внесены в Пролог из русского перевода, т. е. ко времени складывания той редакции Пролога, в составе которой есть статьи из Повести, уже существовал русский перевод Повести. Это позволяет датировать русский перевод по крайней мере серединой XIII в. (к этому времени относится старейший список Пролога со статьями из Повести). Ниже мы увидим, что эту дату можно отодвинуть дальше еще на один век. Но есть в этом и другая сторона. Установление непосредственного источника некоторых проложных статей, каким является русский перевод Повести, представляет нам редкую возможность, какой не было пока для других славянских текстов Пролога, ближе подойти к истории складывания самого Пролога, а также представить себе методы работы русского книжника. Какие именно части Повести о Варлааме и Иоасафе выбрал русский книжник для внесения в Пролог, одновременно или в разное время были включены в Пролог эти части, как обрабатывался при этом текст Повести — решение этих вопросов и составляет задачу данной статьи. Эти вопросы решаются в статье на основе изучения старейших списков Пролога, относящихся к XIII—XIV вв.

Пролог — самая распространенная четья книга в древней Руси. Из 1493 рукописей XI—XIV вв., сохранившихся в отечественных библиотеках и архивах, 88 являются списками Пролога.¹⁶ История Пролога «является одним из наиболее запутанных вопросов в истории русской литературы».¹⁷ Пролог представляет собой переведенный с греческого языка Синаксарь, или Менологий — сборник кратких житий или памятей святых, извлеченных из служебной Минеи и расположенных по дням церковного календаря. В литературе нет единого мнения о времени и месте появления Пролога в славянских литературах.¹⁸ Наиболее обо-

¹⁵ И. Н. Лебедева. О древнерусском переводе. . ., с. 250—251. Извлечения из русского перевода по Соловецкому списку изданы: Повесть о Варлааме и Иоасафе. Подгот. текста, пер. и коммент. И. Н. Лебедевой. — В кн.: Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980, с. 196—225.

¹⁶ Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР (для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно). — В кн.: Археологический ежегодник за 1965 г. М., 1966, с. 177—272 (далее: Пс).

¹⁷ М. Н. Сперанский. История древнерусской литературы. М., 1920, с. 205.

¹⁸ Библиография Пролога весьма обширна. Большая ее часть указана в статье: Ю. К. Бегунов. «Слова» пресвитера Козмы Болгарского в составе Пролога. — Slavica, XXXV, š. 3. Praha, 1966, s. 381—382. Назовем лишь основные труды, а также исследования, изданные после 1966 г.: Сергей, архим. Полный месяцеслов Востока, т. 1. М., 1875, с. 216—289, приложение, с. 130—191; 2-е изд., т. 1. Владимир, 1901, с. 303—322, приложение, с. 548—607; Н. И. Петров. О происхождении и составе славяно-русского Пролога (иноземные источники). Киев, 1875; М. Н. Сперанский. К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур. — ИОРЯС, т. XXVI, 1923, с. 143—206; перепечатано в кн.: М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960, с. 36—42; V. Moštin. Slavenska redakcija Prologa Konstantina Mokisijskog u svetlosti vizantijsko-slavenskih odnosa XII—XIII vijeka. — In: Zbornik Historijskog instituta Jugoslavenske akademije, vol. 2. Zagreb, 1959, s. 17—68; Б. С. Ангелов. Из историята на руско-българските връзки. София, 1972, с. 47—60; Н. Ю. Бубнов. Славяно-русские Прологи. — В кн.: Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей. . ., вып. 1. М., 1973, с. 274—296; Ю. К. Бегунов. Козма Пресвитер в славянских литературах. София, 1973, с. 41—50; Е. А. Фет. 1) О Софийском Прологе конца XII—начала XIII в. — В кн.: Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977, с. 78—92; 2) Новые факты к истории древнерусского Пролога. — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 53—70. Следует назвать также издание, посвященное Прологу старопечатному: Литературный сборник XVII в. Пролог. М., 1978.

снованной представляется в настоящее время концепция В. Н. Мошина, который полагает, что греческий Синаксарь был переведен на старославянский язык в Киеве около 1132 г.¹⁹ Вскоре после перевода к тексту Пролога были добавлены новые жития и памяти, как переводные, так и русские, а также сказания, притчи, проповеди и другие поучительные тексты; взятые из переводной и оригинальной южнославянской и русской литератур. Общепринято в настоящее время признание двух редакций Пролога — первой, более краткой, и второй, пространной.²⁰ Обе редакции составлены русскими книжниками, которые пополнили состав Пролога текстами, взятыми из самых распространенных произведений византийской литературы: Патерика, «Луга духовного» Иоанна Мосха, «Лавсаика» Палладия Еленопольского, Пандектов Никона Черногорца, творений Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Нисского, Ефрема Сирина, аввы Дорофея, Повести о Варлааме и Иоасафе и других. Произведения оригинальной южнославянской и русской литератур главным образом анонимны, кроме Слов Козмы Пресвитера; выявление этих текстов в составе Пролога еще не закончено. Такой сложный мозаичный состав сделал Пролог настоящей хрестоматией византийской и славянской литератур, притом книгой подлинно народной. Уже краткие жития в составе греческого Синаксаря были рассчитаны на чтение вслух во время церковной службы. Они должны были рассказать слушающим о тех, кого церковь поминала в этот день, передать слушающим самое главное, чем прославился данный святой: подвиги, чудеса, мученичества. Краткий рассказ о святом должен был воздействовать на мысли и чувства людей самых разных. Поэтому синаксарные жития — не краткие сухие биографические справки, а небольшие по объему легенды, сказания о чудесах и мученичествах. Совершенно права Л. И. Сазонова, утверждающая, что проложные жития — «это особый вид агиографического жанра, а не простое механическое сокращение жития-образца».²¹ Этот жанр был создан специально для византийского Синаксаря. И поразительно, насколько русские книжники освоили этот жанр, обработав таким же образом внесенные ими в Пролог статьи, и житийные, и поучительные. В итоге русский Пролог стал сборником очень органичным, очень устойчивым, очень читабельным для людей самого разного уровня грамотности; многие его тексты обнаруживают большую близость к произведениям фольклора.

Пролог оказал свое влияние и на русскую литературу последующего времени. М. О. Скрипиль назвал Пролог «своеобразным литературным гербарием, сохранившим и передавшим новым литературам огромное собрание сюжетов».²² Недавно О. А. Державина проанализировала влияние Пролога на творчество Н. С. Лескова и Л. Н. Толстого.²³ Все вышесказанное свидетельствует о том, что Пролог заслуживает самого тщательного изучения как созданная русскими книжниками учительная энциклопедия, которая в течение многих веков была настольной книгой русского человека.

Уже в старейшем списке первой редакции Пролога — Софийском, № 1324²⁴ — мы находим шесть статей, озаглавленных «Притча святого

¹⁹ V. Mošin. Slavenska redakcija Prologa. . . , s. 47—48.

²⁰ Е. А. Фет, которая в последнее время успешно занимается изучением Пролога, определила еще и третью редакцию, созданную в Пскове в XV в. См.: Е. А. Фет. Новые факты к истории древнерусского Пролога. . .

²¹ Л. И. Сазонова. Проложное изложение как литературная форма. — В кн.: Литературный сборник XVII в. Пролог. М., 1978, с. 31.

²² История русской литературы, т. 1. Под ред. А. С. Орлова, В. П. Адриановой-Перетц, Н. К. Гудзия. М.—Л., 1941, с. 104.

²³ О. А. Державина. Пролог в творчестве русских классиков XVIII—XX вв. и в фольклоре. — В кн.: Литературный сборник XVII в. Пролог. М., 1978, с. 164—168.

²⁴ Пс, с. 198, № 158. Рукопись подробнейшим образом описана в кн.: Д. И. Абрамович. Софийская библиотека, вып. II. СПб., 1907, с. 154—219.

Варлаама». Та часть Софийского Пролога, которая содержит эти притчи, датируется исследователями XIII веком; И. И. Срезневский датировал ее серединой XIII в.²⁵ Софийский список содержит сентябрьскую половину Пролога; особенностью списка является то, что поучительные тексты находятся отдельно от основной житийной части, в конце рукописи. В эту так называемую дополнительную часть, в ноябрьский ее раздел, и включены притчи из Повести. Это притчи, которые Варлаам рассказывает царевичу, иллюстрируя ими положения христианского вероучения. Всего в Повести восемь притч (не считая евангельских) в поучениях Варлаама, и одна притча рассказана отрицательным персонажем, волхвом Февдой. Естественно, что притчей Февды составители Пролога не заинтересовались, а из восьми притч Варлаама в Софийском Прологе мы находим пять. Расположены они в составе Пролога не в том порядке, в котором следуют в Повести.

Приводим перечень притч из Повести в составе Софийского Пролога.

1) 19 ноября, л. 233—234. «Притча святого Варлаама о времени сем веце» (притча об инороге).

2) 20 ноября, л. 234—235. «Притча святого Варлаама о ходящих в мнишьский чин» (притча о серне).

3) 22 ноября, л. 236 об.—237 об. «Поучение святого Варлаама о животе и смерти» (притча о царе на один год).

4) 23 ноября, л. 237 об.—238 об. «Поучение святого Варлаама к Асафу о крестьянстве житии» (притча о царе и разумном советнике).

5) 28 ноября, л. 241 об.—243. «Слово о притчах святого Варлаама о богатых и убогих» (притча о трубе смерти и четырех ковчегах).

Первой в Пролог включена притча об инороге, которая в Повести идет третьей.²⁶ В тексте Повести притча не имеет специального заглавия, как и остальные притчи. Лишь в некоторых списках переписчики выделяют ее, называя «Притчей об инороге». Сопоставление проложного текста с притчей из русского перевода Повести показывает, что притча включена в Пролог целиком, дословно, изменения сделаны в начале и в конце текста. В Повести изложению притчи предшествует длинная, сложной конструкции фраза, в которой автор Повести обличает тех, кто красоту этого мира любит больше, чем жизнь будущую, и уподобляет этих людей человеку, убегающему от бешеного инорога. В Прологе эта фраза заменена другой, короткой: «Сего света человеком житие маловременно». В Повести притча заканчивается столкновением образа медовой капли. Автор проложной статьи ставит здесь запятую и продолжает текст назиданием избегать греховных обольщений мира сего и тем обрести жизнь вечную (см. текст притчи, приложенный в конце статьи).

Почему эта притча включена в Пролог первой из всех притч Варлаама? Это притча в самом классическом виде, каждый образ ее — аллегория. Притча известна в мировой литературе во многих вариантах.²⁷ Содержание ее в Повести таково. Человек, преследуемый бешеным инорогом, падает в ров, но успевает ухватиться за ветви растущего во рву дерева и опереться на выступ рва. Осмотревшись, он видит двух мышей, черную и белую, подгрызающих корень дерева, на дне рва — страшного дракона, а у ног —

²⁵ И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1882, с. 122.

²⁶ Текст притчи об инороге из русского перевода Повести опубликован по Креховскому списку, см.: *И. Ф р а н к о. Варлаам и Иоасаф. . .* — В кн.: *Записки Научного товариства имени Шевченка*, т. VIII, 1895, с. 22—23. По Соловьевскому списку, см.: *Повесть о Варлааме и Иоасафе. . .*, с. 202—204.

²⁷ См.: *А. Н. Веселовский. О славянских редакциях одного аполога Варлаама и Иоасафа. — В кн.: Записки АН, т. XXXIV 1879, с. 65—66; И. Ф р а н к о. Притчата за еднорога и нейният български вариант. — В кн.: Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, XIII. София, 1896, с. 570—620; А. И. К и р п и ч и к о в. Греческие романы в новой литературе. Повесть о Варлааме и Иоасафе. Харьков, 1876, с. 232—234.*

четыре змеинные головы. С ветвей дерева тем временем капает мед, и человек, забыв об опасностях, устремляется к меду. Толкование притчи: инорог — образ смерти, вечно преследующей потомков Адама; ров — мир, полный бед и опасностей; дерево, подгрызаемое мышами, — жизнь человека, поглощаемая сменой дня и ночи; змеинные головы — четыре стихии, из которых составлено человеческое тело; дракон — чрево ада, пытающееся поглотить человека; мед — удовольствия мира, отвлекающие человека от мысли о спасении.

Притча об инороге из Повести о Варлааме и Иоасафе получила широкое распространение не только в русской письменности, будучи переписываемая в составе многочисленных сборников, но и явилась сюжетом для изображений в византийском, западноевропейском и русском искусстве. Сначала это были изображения в общем цикле миниатюр греческих рукописей, содержащих Повесть, а затем притча получила распространение как самостоятельный назидательный сюжет в лицевых Псалтирях, в живописи, скульптуре, прикладном искусстве.²⁸ Самое раннее изображение на тему притчи (вне иллюстративных циклов в греческих списках Повести) — в греческой Лондонской Псалтири 1066 г., самое раннее в русском искусстве — на пластине новгородских Васильевских врат 1336 г. Изображения на тему притчи есть на полях русских псалтирей — Киевской 1397 г., Угличской 1485 г., Ипатьевской XVI в.; в сербской Мюнхенской Псалтири конца XIV в., на новгородских иконостасах XVI в.

Следующей в Прологе идет притча о серне; в Повести она является последней в поучениях Варлаама.²⁹ Иоасаф просит учителя взять его с собой в пустыню. Варлаам отвечает ему притчей, которую составитель Пролога назвал «О ходящих в мнишский чин». Сопоставление проложного текста и притчи в русском переводе Повести показало, что и эта притча включена в Пролог целиком, дословно, кроме последней фразы Варлаама, являющейся истолкованием притчи: «Сим же образом боюся, да не будетъ на нас, аще со мною последьствовати имаши, да не излещен буду твоего сужительства и многом злом ходатай буду другом моим». Вместо этой фразы автор проложной статьи дал свое толкование, вдвое большее, чем текст самой притчи, и поясняющее именно то содержание, которое вкладывает в эту притчу Варлаам.

Третья в Прологе притча из Повести — притча о царе на один год; в Повести эта притча идет пятой,³⁰ и названа она «Поучение о животе и смерти». Основной текст притчи включен дословно, оставлено и самое начало аллегорического истолкования, но далее составитель проложной статьи добавил свое толкование, близкое, с одной стороны, к тексту Повести, а с другой — к проложному толкованию притчи об инороге.

²⁸ Библиография сюжета обширна, указываем основные труды. Е. Ред и н. *Материалы для византийской и древнерусской иконографии*. 3. Притча о сладости мира сего. — *Археологические известия и заметки*, 1893, № 12, с. 437—443; Ф. И. Бусл а е в. Сравнение одного рельефа на портале пармского баптистерия с миниатюрами Угличкой псалтири XV в. — В кн.: Ф. И. Бусл а е в. *Сочинения*, т. 1. СПб., 1908, с. 243—248; В. Н. Л а з а р е в. *Васильевские врата 1336 г.* — В кн.: В. Н. Л а з а р е в. *Русская средневековая живопись. Статьи и исследования*. М., 1970, с. 204—206; S. Der Nersesian. *L'illustration du roman de Barlaam et Joasaph*. Paris, 1936, p. 63—68, pl. XXIII-87, LXVIII-267; J. - W. E i n h o r n. *Das Einhorn als Sinnzeichen des Todes: die Parabel von Mann im Abgrund*. Berlin—New York, 1972 (*Frümittelaterliche Studien*, 6); *Der serbische Psalter*. Facsimile Ausgabe des Cod. slav. 4 der Bayerischen Staatsbibliothek München. Textband unter Mitarbeit von S. Dufrenne, S. Radojčić, R. Stichel, I. Sevčenko. Hrsgb. von H. Betling. Wiesbaden, 1978, S. 23, 187; Г. И. В з д о р н о в. *Исследование о Киевской Псалтири*. М., 1978, с. 51, 140—141. Другие исследования указаны в работах В. Н. Лазарева и Г. И. Вздорнова.

²⁹ Издание притчи см.: I. Ф р а н к о. *Варлаам і Йоасаф*. . . — В кн.: *Записки Научного товариства ім. Шевченка*, т. X. 1896, с. 30; *Повесть о Варлааме и Иоасафе*. . . , с. 212.

³⁰ Издание притчи см.: I. Ф р а н к о. *Варлаам і Йоасаф*. . . , т. VIII, с. 25—26. *Повесть о Варлааме и Иоасафе*. . . , с. 208—210.

Следующая притча — о царе и его разумном советнике; в Повести она занимает шестое место.³¹ Составитель Пролога назвал ее «О крестьянъстем житии». Притча передана в Прологе дословно, но не до конца, опущена большая часть диалога царя с советником. Далее автор проложной статьи дает собственное истолкование образов притчи, в Повести толкования притчи нет.

Наконец, последней в Софийском Прологе идет притча о трубе смерти и четырех ковчехах;³² в Повести это первая притча в поучениях Варлаама. Она названа в Прологе «О богатых и убогих» и приведена целиком, без сокращений и добавлений. Действительно, этот текст трудно сократить или добавить к нему что-либо: истолкование образов притч содержится не столько в словах, сколько в действиях благоразумного царя. У этой притчи очень четкая трехчастная структура, каждая из частей носит законченный характер. Тот, кто выбирал и обрабатывал притчи из Повести для Пролога, проявил подлинный литературный вкус, не подвергнув этого текста искажениям.

Следует еще отметить, что под 24 ноября в Софийском Прологе (а также и во всех других списках Пролога) помещена небольшая статья с названием «Слово притца святого Варлаама о еретицех и идолослужителех». Содержание притчи: у богатого человека было стадо овец, которое пасли пастухи; из-за небрежения пастухов овцы стали пастись вместе с дикими козлами и домой уже не вернулись. Толкование: человек — Христос; овцы — христиане; пастухи — епископы и священники; стадо козлов — еретики. Текст заканчивается наставлением епископам и священникам поучать еретиков без лености и испытывать твердость их веры после раскаяния. Такой притчи в Повести о Варлааме и Иоасафе нет, это псевдоэпиграф, по-видимому, произведение самого русского книжника, обнаруживающее близость к слову Козмы Пресвитера «К епископом и попом, пасущим стадо Христово»,³³ которое, кстати, вошло во вторую редакцию Пролога.

Приписывание этой статьи в Прологе Варлааму говорит о том, что притчи Варлаама, извлеченные из Повести, стали восприниматься как самостоятельный литературный жанр, в котором и обработал свою притчу о еретиках ее составитель.

Таким образом, в текст первой редакции Пролога, представленной Софийским списком, были включены пять притч из Повести о Варлааме и Иоасафе. Но после того как Е. А. Фет убедительно доказала, что дополнительная часть Софийского Пролога (содержащая притчи Варлаама) представляет собой выписки из какого-то полного проложного текста,³⁴ мы не могли бы делать определенных выводов по данным одного лишь Софийского списка: его переписчик мог выписать из своего источника не все статьи, относящиеся к Повести. Но существуют и другие списки Пролога, в которых дополнительная часть объединена с житийной и которые содержат те же пять притч, что и Софийский Пролог. Это списки XIII—XIV вв. Типографские № 154, 155 и 158, хранящиеся в ЦГАДА.³⁵ Поэтому мы вправе сделать вывод, что эти списки вместе с Софийским представляют собой первый этап включения текстов из Повести в Пролог.

³¹ Издание притчи см.: I. Франко. Варлаам и Иоасаф. . . , т. VIII, с. 27—28. Повесть о Варлааме и Иоасафе. . . , с. 210—212.

³² Издание притчи см.: I. Франко. Варлаам и Иоасаф. . . , т. VIII, с. 17—18; Повесть о Варлааме и Иоасафе. . . , с. 198—200. Текст этой притчи из старопечатного Пролога см.: Д. В. Ровинский. Русские народные картинки, кн. III. СПб., 1881, с. 64—66 (по лубку XVIII в.); Литературный сборник XVII в. Пролог, с. 202—204.

³³ Слово Козмы см. в кн.: Ю. К. Бегунов. Козма Пресвитер. . . , с. 140—141.

³⁴ Е. А. Фет. О Софийском Прологе. . .

³⁵ Пс, с. 214, № 451, 452 и 454.

Е. А. Фет, характеризуя первую редакцию Пролога, замечает, что «внесение литературных статей было единовременным».³⁶ Наблюдения над текстами из Повести в составе Пролога приводят к иному выводу. Есть ряд списков первой редакции Пролога, в которых к пяти притчам из Повести добавлена еще одна статья «Слово о видении святого Асафа». Это списки XIV в. Троицкий № 33 (ГБЛ) и Типографские № 157 и 159 (ЦГАДА).³⁷ «Слово о видении» представляет пересказ трех отрывков из Повести, скомпонованных в единое целое, смысл которого — постепенность духовного возрастания человека. Содержание первого отрывка таково. Перед уходом Варлаама в пустыню царевич просит его взять для пустынников золота. Варлаам отвечает: «Как, будучи нищим, хочешь поделиться с богатыми? Впрочем, придет время, разбогатеешь и сам, но сделаешься скуп даже для отца своего». Отрывок второй: после искушения, подсказанного волхвом Февдой, царевич увидел во сне прекрасный небесный град, в котором он захотел остаться, но в ответ на свою просьбу услышал: «Если хочешь быть здесь, продолжай свои подвиги». В третьем отрывке после крещения отца и всей Индии Иоасаф уходит в пустыню к Варлааму. После смерти Варлаама царевич видит во сне тот же прекрасный город, где его встречают ангелы с двумя венцами. На вопрос Иоасафа о венцах ему отвечают, что один венец для него, а другой для его отца. Иоасаф возмущается тем, что уравнили в подвигах его, крестившего всю страну, и его отца, ничем не отличившегося. И тут явился ему Варлаам и напомнил о прежних словах своих: «Когда разбогатеешь, то сделаешься скуп даже для отца». Варлаам велел царевичу и дальше пребывать в монашеском подвижничестве, что тот и сделал.

Хотя статья о видении Иоасафа представляет собой не извлечение из текста Повести, а лишь пересказ, по некоторым выражениям можно узнать, что пересказ сделан на основе того же русского перевода Повести, из которого были извлечены и включены в Пролог пять притч Варлаама. Чтобы убедиться в этом, приводим параллельные тексты статьи из Пролога «Слово о видении святого Асафа» по рукописи ГБЛ, Троицкое собр., № 33, из сербского перевода Повести по списку ГПБ, Софийское собр., № 1365, XIV в. и из русского перевода по Креховской рукописи № 419, XVI в. (Львовская Центральная научная библиотека им. Стефаника). Сопоставляется не весь текст проложной статьи, а лишь большая часть третьего отрывка.

*Софийск., № 1365,
л. 132*

*Пролог Троицк., № 33,
л. 145 об.—146*

*Креховск., № 419,
л. 111—112 об.*

... близ гроба седе плачяся, и седа и успе, и виде страшна мужа она. . . в преславный светлый въведше его в град. . . Входящю же ему в врата, и сретаху его друзии просвещени светом, венци имуще в рудех и неизреченною блистающюся добротю. . . Выпрашающю же Иасафу. . . «Твой убо един, рекше, за многыа души еже спасл еси. . . украшаем же множае мнишеским житием. . . Другий же. . . отцю твою подобает ти дати. . .» Иоасаф же негодуя. . .» И како возмож-

Седе плачяся искрь гроба его. Седящю же ему и успе. И виде страшни оны мужи. Введоша и во оную неизреченную радость и в пресветлый он град. Входящю же ему в врата усретоша и етери светлыи, венца два носяще пресветла, рядною светлостью сияюще. Выпрашающю же о нею Асафу, и глаголаша: «Твой ест един, зане многи души спасе и постничьством украшен. Другий же отца твоего, но тобою дан будеть ему». Асаф же негодуя рече: «Како равен даров сподобися отцю со мною ничтоже тружышюся?» Явися ему Варлам, глаголя: «Асафе,

... искрь гроба седе плачяся. Седящю же ему и успе, и виде страшна мужи оны. . . въведоста и в великую оную пажить и светлый. . . град. . . Входящю же ему в врата. . . етери усретоша и, велиим светом сияеми, венца имущи в рудех, неизреченною красоту имуще. Выпрашающю же Иасафу. . . отвечаша. . . «Твой един. . . зане многыа душа спасе ты, украшен же на постническом житии. . . другой же отцю подобает ти дати. . .» Иоасаф же негодова: «Даров получити отцю моему покаания ради токмо, тружышюся мне толма?» . . . и мя-

³⁶ Е. А. Фет. Новые факты . . . , с. 54.

³⁷ Пс, с. 230, № 735; с. 251, № 1152 и 1153.

но, рече... отцю моему поллучити дарединого ради цюкаанна... абие мяшеша Варлама видя... глаголюща: «Не сеи ли суть словеса моа, Иасафе, якоже некогда глаголах ти, егда разбогатеши, тогда неподатлив будеши... ныне же како негодуеши о равней чести отца твоего, а не паче возвеселишися душею...»

не рех ли ти древле, егда будеши богат, тогда будеши скуп и неподатлив. Какое негодова ныне равночестна отцю, а не паче взвеселися душею о немь».

шеша Варлама видя... и глаголюща: «Не сеи ли словеса моа, Иасафе, их же некогда глаголах ти, егда пребогатеши, тогда неподатлив будеши... ныне же како негодова равночестна отчаа, а не паче возвеселися душею...»

Сопоставление текстов показывает, что пересказ был сделан по русскому переводу Повести. В пользу предположения о более позднем по сравнению с притчами Варлаама внесении этой статьи в текст первой редакции Пролога говорит не только наличие соответствующей рукописной традиции, но и метод, которым обработана эта статья, коренным образом отличный от способа обработки притч. Объединение в одно связное и целостное повествование пересказа трех отрывков, находящихся в разных местах текста Повести (например, по Соловецкому списку № 208 это листы 147, 264 и 336), потребовало от составителя этой статьи хорошего знания текста и литературного таланта. Составитель проложной статьи старался донести до древнерусского читателя мысль о постепенности духовного возрастания человека, о трудности преодоления эгоизма и себялюбия даже в таком подвижнике, как царевич Иоасаф, оставивший царство ради пустынножительства. Эта статья вносит некоторые коррективы к тому, что Л. И. Сазонова пишет об идеальном образе героев проложных рассказов.³⁸

Трудно сказать, насколько была понятна читателю мысль, вложенная составителем в статью о видении Иоасафа; может быть, для этого надо было знать содержание самой Повести и представлять характер ее героев. Да и притчи Варлаама, включенные в Пролог, вызывали желание узнать, кто их рассказывает и к кому они обращены. Поэтому во второй редакции Пролога его текст пополнился еще пятью статьями из Повести. Старшие списки Пролога, содержащие эти статьи, — рукописи XIII—XIV вв. Типографские № 153 и 164 (ЦГАДА).³⁹ Приводим названия этих статей по Типографскому Прологу № 153. 1) 17 ноября, л. 124 об. «Святого отца нашего Варлаама пустытника». 2) 17 ноября, л. 125—126. «Слово учение Варлаама к Иасафу, паче рещи и нам». 3) 18 ноября, л. 126 об.—128. «Преподобного отца нашего Иасафа пустытника, сына Авенира царя». 4) 25 ноября, л. 148 об.—149 об. «Страсть святою отцю нашею, еуже живу сожже Авенир царь». 5) 27 ноября, л. 153—154. «Святых отец пустынных 1 мних».

Первая из этих пяти статей, включенная под 17 ноября, — краткое житие Варлаама, пересказ основного сюжета Повести, в этом пересказе самого текста Повести почти нет. Проложная статья — труд русского книжника, внимательно прочитавшего Повесть и пересказавшего то, что относится к Варлааму. И тем не менее мы явственно видим, что Повесть пересказана по ее русскому переводу, а не по сербскому. Снова сопоставим тексты Пролога по Типографскому списку № 153, сербского перевода по Софийской рукописи № 1365 и русского перевода по Креховскому списку № 419.

Софийск., № 1365,
л. 20

Типогр., № 153,
л. 124 об.

Креховск., № 419,
л. 41 об.

...мних некто премудр, божественным житьем и словом кра-сим...

...мних егер премудр, божественным житьем и словом украшен...

...мних егер премудр о божественных и словом украшен...

³⁸ Л. И. Сазонова. Проложное изложение... с. 30.

³⁹ Пс, с. 214, № 450 и 455.

Отметим, что житийные тексты из Повести, первым среди которых в Прологе идет житие Варлаама, так же как и притчи и остальные тексты, включены в Пролог среди ноябрьских текстов. Это, по-видимому, можно объяснить тем, что под 16 ноября в Прологе помещена память мученика Варлаама Антиохийского (IV в.). Не сочли ли русские книжники, включившие в первую редакцию Пролога притчи Варлаама из Повести, что Варлаам Антиохийский и Варлаам пустынный, обративший к спасению индийского царевича, — это одно и то же лицо? Житийные же тексты были включены рядом с притчами. Таким образом, во второй половине ноябрьского раздела Пролога читатель прочитывал все тексты из Повести, кроме одного.

Этот один текст нам и осталось охарактеризовать. Он находится в Прологе среди текстов на 16 апреля (в некоторых списках на 13 апреля) и озаглавлен «Притча святого Варлаама о печали житейстей и о суетнем богатстве» (притча о трех друзьях).⁴⁰ К сожалению, не сохранилось ни одного полного списка Пролога первой редакции на весь год, поэтому мы не можем судить, была ли эта притча в первой редакции и когда она была включена в Пролог — вместе с пятью другими притчами или позже, со статьей о видении. Мы не можем сказать также, добавлена ли она вместе с житийными статьями или отдельно, в другое время. Старейшие списки мартовской половины Пролога, содержащие эту притчу, датируются XIII—XIV вв., это Типографские Прологи № 168 и 170 (ЦГАДА).⁴¹

Проложная притча о трех друзьях — это пересказ притчи из Повести, сокративший и сюжет повествования, и толкование. Трудно определить с первого взгляда, по какому из двух переводов Повести сделан этот пересказ. Сопоставим для этого части текстов проложной притчи по Архангельскому Прологу Д 2, XIV в. (БАН СССР),⁴² сербского перевода (Софийск., № 1365) и русского перевода (Креховск., № 419).

Софийск., № 1365,
л. 54об.

Архангельск., Д 2,
л. 34

Креховск., № 419,
л. 37

... два убо от сердца
почитааше...

Двух же любяше и чтя-
ше...

... двою с любовию
чтяше...

л. 55

л. 34об.

л. 37об.

Помниши ли, о друже,
колико насладился еси
от мене чести...

Помниши ли, друже, кол-
ку прия от мене честь...

Помниши, о друже, ко-
лико от мене прия честь...

л. 35

л. 38

... Аз бо пойду перед
тобою, аз умолю о тебе
царя... Дерзай убо,
дружебниче, не печалуй...

Аз бо иду преже тебя ко
царю и умолю царя... Да
не буди, друже, уже в пе-
чали...

... аз бо преже тебе дойду
к царю... не буди в скорбе
и печале...

л. 55об.

л. 38об.

Третий же друг прези-
раемый тяжкий, иже не-
приступен...

Третий друг есть мило-
стыни не временны, ни ми-
мотекый...

Третьей же друг есть ми-
мотекый временный...

Сопоставление текстов показывает, что и эта притча представляет собой обработку текста из русского перевода Повести. Но эта обработка текста совсем иная, чем в пяти притчах Варлаама, включенных в первую редакцию Пролога. По своим особенностям притча о трех друзьях из Пролога

⁴⁰ Издание притчи см.: Франко. Варлаам і Йоасаф. . . , т. VIII, с. 23—25; Повесть о Варлааме и Йоасафе. . . , с. 204—206.

⁴¹ Пс, с. 214, № 446 и 448.

⁴² Пс, с. 269, № 1454.

ближе к житийным статьям из второй редакции Пролога. Еще раз повторяем, у нас нет твердых оснований для суждения о том, когда притча о трех друзьях была включена в состав Пролога и почему ее включили в апрельские тексты, а не в ноябрьские.

Итак, в конечном счете в составе второй редакции Пролога оказались одиннадцать статей, относящихся к Повести о Варлааме и Иоасафе: шесть притч, четыре житийных текста, поучение и рассказ о видении Иоасафа. Из всех существующих в настоящее время списков Пролога только один Спасо-Прилуцкий Пролог XIV—XV вв. (ГПБ, собр. СПб. ДА, А.1.264),⁴³ единственная рукопись, содержащая проложные тексты на весь год, включает весь комплект текстов из Повести.

Одиннадцать проложных статей, являющихся извлечениями из Повести или пересказами ее, почти исчерпывали все основное содержание Повести. Из притч Варлаама лишь две — о соловье и о богатом юноше и дочери бедняка — не вошли в Пролог, но это две новеллы, не содержащие аллегорических толкований и потому мало соответствующие общему стилю статей Пролога. Не вошла в Пролог также речь Нахора, большое самостоятельное произведение внутри Повести, представляющее собой памятник позднеантичной литературы — Апологию Аристида. Включенная в Пролог Повесть широко распространилась в огромном количестве списков Пролога, вытеснив по сути дела полный текст русского перевода, который дошел до нас лишь в пяти списках XVI в.

Теперь мы можем подвести некоторые итоги тому, что относится и к истории русского Пролога, и к русскому переводу Повести.

1. Мы видели, что включение текстов Повести в Пролог происходило не одновременно, а по крайней мере в три этапа, два из которых относятся к первой редакции Пролога (пять притч — первый этап; слово о видении Иоасафа — второй), третий — ко второй редакции (четыре житийных текста и слово Варлаама о крещении). О притче о трех друзьях нельзя сказать ничего определенного; не исключено, что она представляет собой четвертый этап. Таким образом, текст Пролога формировался постепенно, даже в пределах одной редакции. Это было бы интересно проследить по другим статьям, взятым из других источников.

Хотя включение Повести о Варлааме и Иоасафе происходило не одновременно, оно было сделано тем не менее на основе одного и того же текста, а именно русского перевода Повести. Это значит, что в то время, когда формировался русский Пролог, в русской книжности был в обращении лишь один перевод Повести — русский.

2. Проложные тексты Повести показывают, как пополнение агиографической части Пролога происходило иногда под воздействием текстов назидательных: сначала в Пролог были включены притчи Варлаама, затем в первой же редакции рассказ о видении Иоасафа, который тоже можно отнести к житийному жанру, и, наконец, во второй редакции четыре собственно житийных текста. Это наблюдение заставляет с большим вниманием отнестись к текстам назидательного характера в составе Пролога. Е. А. Фет справедливо замечает, что обычно все выводы о Прологе делаются на основании житийной части, без обращения к текстам учительным.⁴⁴

3. Включенные в Пролог статьи из Повести являются не просто переводными текстами, но в неменьшей степени творчеством русских книжников. Это относится не только к толкованиям притч в Прологе, составленных на русской почве, но и к пересказам Повести, представляющим собой самостоятельные русские произведения. Кроме того, написанная

⁴³ Пс, с. 269, № 1455 и 1459. См. также: Д. И. Абрамович. О Спасо-Прилуцком Прологе С.-Петербургской Духовной академии. — В кн.: Новый сборник статей по славяноведению. СПб., 1905, с. 282—288.

⁴⁴ Е. А. Фет. Новые факты. . . , с. 54, примеч. 4.

именем Варлаама проложная притча о еретиках и идолослужителях — на самом деле целиком русская статья. Это заставляет более внимательно отнестись и к другим статьям Пролога, даже надписанным именами каких-либо авторов или рассказчиков.

Поэтому русский Пролог надо рассматривать как произведение в большой степени оригинальное, лишь основанное на переводном памятнике, каким явился греческий Синаксарь. Синаксарь не получил такого широкого распространения в византийской письменности, как Пролог в русской; в греческих рукописях гораздо чаще встречаются сборники подробных житий в редакции Симеона Метафраста. Русский Пролог, сравнительно быстро вышедший из церковного употребления, стал книгой для повседневного домашнего или келейного чтения.

4. Мы уже отмечали, что наличие в Прологе извлечений из русского перевода Повести позволяет датировать сам русский перевод. Старейший, середины XIII в., Софийский список Пролога со статьями из Повести свидетельствует о том, что к середине XIII в. русский перевод Повести уже существовал и был использован для пополнения Пролога. По всей вероятности, точной даты перевода мы никогда и не узнаем, но существует еще одно датирующее обстоятельство: известен факт использования притчи Повести (о царе и разумном советнике) замечательным мастером древнерусского красноречия Кириллом Туровским в XII в. в его «Повести к Василию игумену о белоризце». Первым на связь «Повести о белоризце» с притчей Варлаама обратил внимание Ф. И. Буслаев. Он отметил, что Кирилл Туровский заимствовал сюжет «не прямо из истории о Варлааме и Иоасафе, а из притчи, помещенной из этой книги в Прологе, под 23 числом ноября».⁴⁵ Предположение Ф. И. Буслаева, высказанное еще в 1861 г., осталось незамеченным последующими исследователями творчества русского Златоуста, как часто называют Кирилла. М. И. Сухомлинов также обратил внимание на сюжет из притчи в «Повести о белоризце» и пробовал сопоставить текст Кирилла Туровского и текст Повести о Варлааме и Иоасафе, но воспользовался не русским, а сербским ее переводом. Очевидно, именно поэтому М. И. Сухомлинов и пришел к выводу, что Кирилл Туровский заимствовал свой сюжет из Повести о Варлааме и Иоасафе, но изменил его «под влиянием какого-либо рассказа восточного происхождения».⁴⁶ Иван Франко пошел еще дальше в утверждении, что Кирилл Туровский взял свой сюжет не из переводного греческого источника, а из источника еврейского, причем не письменного текста, а устной традиции.⁴⁷

Но анализ текста «О белоризце» показал, что прав был Ф. И. Буслаев: Кирилл Туровский использовал притчу из Повести о Варлааме и Иоасафе именно в ее проложной форме, причем он использовал не только сюжет притчи, но и толкование ее, сочиненное русским книжником. Сопоставим частично тексты проложной притчи «О крестьянстве житии» по Софийскому Прологу № 1324 и «Повести о белоризце» Кирилла Туровского по изданию И. П. Еремина.⁴⁸

*Софийск., № 1324,
л. 237—238об.*

Слышях некоего царя бывша, зело добре смотряща своего царства, кроток же и милостив под ним сущим людем.

*Повесть Кирилла... мнixa
к Василию игумену... о белоризце...*

В некоем граде беаше царь зело кроток, благ же и милостив, добре смотряще о своих людах; сим же точию едином — не

⁴⁵ Ф. И. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. II. СПб., 1861, с. 127.

⁴⁶ М. И. Сухомлинов. О сочинениях Кирилла Туровского. — В кн.: Рукописи графа А. С. Уварова, т. II. СПб., 1858, с. XLVI—LVII; см. также: М. И. Сухомлинов. Исследования по древнерусской литературе. — СОРЯС, т. LXXXV, 1908, с. 325—331.

⁴⁷ И. Франко. Притча про сліпця и хромця. СПб., 1905 (Отд. оттиск из «Сборника по славяноведению», вып. II), с. 9—11.

⁴⁸ И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, с. 348—351.

Слим же едином блазняшеса, яко же не имаше благоразумного просвещения... Рече убо единою царь...: «...изыдеве и походиве по граду». И видиста светлую зарю в горе оконца сияющую и к тому оконцю очи приложиста и узреста под землею место яко вертеп жилище, в нем же бе седя мужь в последней нищете живя и худыми рубы оболчен... И глагола царь...: Оле чудо, друже... худое се и каыное житье... веселитя...

бе разумен... обаче искаше времени потребна... В един же час... рече царь: «Изидем и походим по граду...»... узреста светлую зарю, оконцемь от пещеры исходяща. И к тому приникнув оконцю, видеста внутрь вертепа жилище, в нем же седяще мужь, в последней нищете живя, худыми оболчен рубы... царь... рече: «Оле чудо, мои друзи, видите, како худое се и потаеное житие честнее нашея державы веселитя...»

Толкование

...никого же бо Христос не нудит к себе, но вещьми разум дает. Тех познавших его вводит в царство свое небесное... Исход же есть царство небесное, еже есть слышати душеполезно слово. Пещера же глубокая церкви, пророки дозрима и апустолы устроена... жена же в рубы оболчена и правдою препоясана, поеть же сладкую песнь... кровь святую и от нея живот вечный...

... еже слышати душеполезное учение... Никого же бо Христос к покоянию нужею влечет, но вещьми разум дает, да от тех познавшим его и в небесное вводит царство.

Пещера же глубокаа — церкви есть монастырска, пророки дозрима, апустолы устроена...

...целомудрием оболчени и правдою поясани...

...жена... сладкую поющи песнь... святую свою кровь в живот вечный.

Приведенные тексты наглядно свидетельствуют о том, что источником для Кирилла Туровского послужила проложная притча «Поучение святого Варлаама о крестьянстве житии».

Но в этой же «Повести о белоризце» Кирилл Туровский использовал еще один текст из Пролога — притчу Варлаама «О ходящих в мнишьский чин», вернее, ее толкование. Приводим параллельные тексты по тем же источникам, что и в предыдущем случае.

Соборск., № 1324, л. 234 об.—235

... Не бойся, малое мое стадо... стократичею примет живот вечный.

*Повесть о белоризце*⁴⁹

... Не бойся, малое стадо... стократичею примет и живот вечный наследить.

В. П. Виноградов назвал творческий метод Кирилла Туровского художественной мозаикой.⁵⁰ Действительно, заимствованные из проложных статей образы, отдельные фразы и выражения настолько органично вплетаются в собственный текст Кирилла Туровского, что стоит большого труда узнать их и вычлениить в первоначальном виде.

Если справедливо предположение Л. Геца о том, что «Повесть о белоризце» — одно из ранних произведений Кирилла, написанное им еще до принятия епископского сана,⁵¹ то значит, уже к середине XII в. существовала первая редакция Пролога с включенными в нее притчами Варлаама. Это означает также, что Повесть о Варлааме и Иоасафе была переведена на русский язык раньше этого времени.

Соблазнительно думать, что Повесть о Варлааме и Иоасафе, как и многие другие произведения византийской письменности, переведена в XI в. в Киеве при Ярославе Мудром. Есть некоторая возможность связать приход Повести на Русь с путешествием на Афон Антония, основателя Киево-Печерского монастыря. Об этом путешествии рассказывает Повесть временных лет под 1051 г.⁵² По-видимому, местом построения Антония был

⁴⁹ Там же, с. 352 (чтение Уваровского списка).

⁵⁰ В. П. Виноградов. Уставные чтения, вып. III. Очерки по истории греко-славянской церковно-учительной литературы. Сергиев Посад, 1915, с. 115.

⁵¹ L. - K. G o e t z. Die Echtheit der Mönchsreden des Kyryll von Turov. — Archiv für slavische Philologie, Bd 27, 1905, S. 191.

⁵² Повесть временных лет, т. I. М.—Л., 1950, с. 105.

Иверский монастырь,⁵³ где в начале XI в. Евфимием Святогорцем была создана греческая версия Повести. Антоний несомненно мог знать о Повести и даже принести в Киев ее греческий список. То, что Повесть была переведена в Киеве, а не на Афоне, очевидно: никаких следов этого перевода в югославянской письменности нет; с Афона же перевод Повести обязательно должен был распространиться среди других славянских народов, как это было с другими переводами, сделанными на Афоне, в частности с сербским переводом Повести.

Некоторое подтверждение тому, что Антоний знал о Повести, можно найти в имени Варлаам, которое Антоний дал одному из своих пострижеников, будущему игумену Киево-Печерского монастыря.⁵⁴ Преставление игумена Печерского Варлаама традиция относит к 19 ноября, дню памяти Варлаама и Иоасафа. И не случайно, может быть, один из списков Повести находится в одном сборнике с Киево-Печерским Патериком.

Итак, первое же прикосновение к одной из составных частей русского Пролога — извлечениям из русского перевода Повести о Варлааме и Иоасафе — дало некоторые новые данные и для литературной истории Пролога, и для определения времени и места перевода Повести. Несомненно, дальнейшее изучение других составных частей Пролога и их источников принесет новые, может быть и неожиданные, результаты.

⁵³ Повесть временных лет, т. II, с. 384.

⁵⁴ Повесть временных лет, т. I, с. 106.